

с этим есть лексические расхождения: чавч. *кмиңыпиль*, караг. *ненезуп*, пал. *уноңюпи* 'ребенок'; чавч. *калал*, караг. *ассуас*, пал. *ачуач* 'горбуша'; чавч. *г'аткэң*, караг. *ныңырхаң*, пал. *нынакқин* 'плохой'; в большинстве слов, сопоставляемых по диалектам, обнаруживаются звуковые соответствия: чавч. *йайатык* — алют. *таратык* 'уронить'; чавч. *ңыток* — алют. *ңытуки* 'выходить'; чавч. *пэлак* — алют. *пилак* 'оставить'; чавч. *эңги* — алют. *асги* 'сегодня'.

Различия в склонении существительных сводятся, в основном, к различной группировке локативных падежей. В паланском, карагинском нет форм дв. числа, чавчувенский регулярно соответствующие формы образует.

В чавчувенском, алукинском, рекинниковском настоящее время глагола выражается конфиксом *ку-/ко-...-ң*, в паланском, алыторском, карагинском показатель настоящего времени *-тыкын* (ср. чук. *-ркын*).

Несмотря на некоторые затруднения в общении, между говорящими на разных диалектах сохраняется понимание в той мере, которая диктуется общей нормой. У коряков, говорящих на разных диалектах, существует понимание этнического единства и принадлежности к общему языковому коллективу.

ЛИТЕРАТУРА

Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972

Жукова А. Н. Язык паланских коряков. Л., 1980.

Крейнович Е. А. Опыт исследования структуры слога в корякском языке // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. М.; Л., 1958, вып. XI

Стебницкий С. Н. Алыторский диалект нымытанского (корякского) языка // Советский север. 1938, № 1

Стебницкий С. Н. Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. Л., 1941.

Стебницкий С. Н. Нымыланский (коряцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Л., 1934, ч. III.

Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов корякского языка // Памяти В. Г. Богораза. Л., 1937

Bogoras W. Chukchee // Handbook of American Indian Languages / Ed. by F. Boas. Washington, 1922, pt. 2.

А. П. Володин

КЕРЕКСКИЙ ЯЗЫК

1.0. Керекский язык (К.я.) — язык кереков (самоназвание — *аңқалһакку* 'приморские люди'; называют себя также *каракэкку* < чук. *кэрэкит*, этимология не ясна).

2.0. К.я. был распространен на Чукотке по побережью Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Олюторского на Камчатке; затем ареал сузился с юга до устья р. Опуки (несколько севернее географической границы Камчатки). Образ жизни — оседлый, хозяйственные промыслы — рыболовство, охота на птицу и морского зверя. Племя кереков всегда было малочисленным. Во второй половине XX в. практически полностью ассимилированы чукчами. В 1991 г. на К.я. говорили три человека. В переписях керекы учитывались как чукчи.

3.0. К.я. входит в чукотско-камчатскую группу (чукотско-корякская семья); его можно рассматривать как один из племенных языков или диалектов корякской языковой

общности. Поскольку керекы жили в непосредственном контакте с чукчами, в К.я. заметны чукотские черты.

4.0. К.я. — бесписьменный. Фольклор передавался в устной форме; первые записи образцов фольклора на К.я. относятся к 60-м гг. XX в. Языком межнационального общения служил чукотский, в меньшей степени — русский.

5.0.0. Лингвистическая характеристика.

5.1.0. Фонологические сведения.

В К.я. четыре гласных фонемы: *и, у, а, э*. Согласные представлены следующими группами: шумные смычные — *п, т, к, ʔ* (гортанная смычка ? также может описываться как согласная фонема); шумные шелевые — *ч* (в идиолектах отдельных кереков реализуется как [с]); смычные сонанты — *м, н, ɲ*; шелевые сонанты — *в* (губно-губной), *ʎ* (звонкий, в интервокальном положении палатализуется), *й, ɥ* (фарингальный). Гармония гласных отсутствует по причине недостатка «строительного материала». Отмечаемое в некоторых описаниях К.я. «свободное стечение согласных», что якобы сближает К.я. с ительменским, не подтверждается: *мт̚к̚м̚т̚* 'жир' реализуется как двусложное слово [м̚т̚к̚м̚т̚]; *мум̚кл̚* 'застежка' — как [мум̚к̚ал̚], и т. д. Распределение гласных и согласных в К.я. в целом укладывается в схему CVCCVC, свойственную всем чукотско-корякским языкам.

Достаточно широко распространена в К.я. геминация согласных (*аккаңа* 'сын', *миччу* 'завтра', *иппа* 'тоже'), а также стечение гласных; в этом процессе участвует и неопределенный гласный *э*, характеризующийся для чукотско-корякских языков как «сверхкраткий»; *мээй* 'мы (дв.)', *тээй* 'вы (дв.)', ср. также *ишкку* 'они (мн.)', *йааику* 'в доме'. Стечение гласных в К.я. часто является результатом выпадения согласных в интервокальном положении (*мээй*, *мэйэй* и т. д.); долгота фонологического статуса не имеет. Просодическая организация словоформы подчиняется тем же закономерностям, которые свойственны всем чукотско-корякским языкам (ср. статью «Чукотский язык»). В идиолектах отдельных кереков (более широкие выводы сделать затруднительно) фиксируется мена просодического рисунка словоформы, выражающаяся в том, что долготное выделение получают разные слоги: *кунишкан̚* 'ты делаешь/он делает' — *мэккуунишкан̚* 'мы (дв.) делаем' — *ткуйаанишкан̚* 'я хочу делать'. Фонологически значимых тонов в К.я. нет.

5.1.1. Слоговая организация слова в К.я. в общем та же, что в других чукотско-корякских языках. Модели слога: V, VC, CV (*а-ат-ка* 'не пришел'), SVC (*кай-ңи-йан* 'берлога'). Отмеченные выше долготные выделения гласных не разбиваются слоговой границей: *мэк-куу-ни-кан̚* и т. д. По предварительным данным, есть основания говорить о просодической организации не только словоформы, но и целого предложения (или периода связанного текста).

5.1.2. Чередования для К.я. не характерны. На стыке морфем происходит ассимиляция (коряцкого типа, приводящая к увеличению звучности): *т + н > ɲɲ* (*накуйат + ни > накуйанни* 'накормил он его'), *т + л > ʎʎ* (*йат + лай > йаллай* 'пришли они (мн.)') и т. д. Диссимилиция распространена меньше. Наиболее частотный и грамматически важный случай: *т + й > ʧ*: *мэт + йалайуң > мэччалайуң* 'мы (мн.) пойдём'.

5.2.0. Морфология.

5.2.1. К.я. — агглютинирующий, имеющий те же морфологические характеристики, что и другие чукотско-корякские языки: позиция корня в линейной цепочке словоформы не фиксирована; преобладает аффиксация, аффиксальные морфемы представлены суффиксами, префиксами и циркумфиксами; развита композиция и инкорпорация, представлены аналитическое конструирование и редупликация именного корня.

По функциональному, формальному и семантическому параметрам выделяются как части речи имя и глагол (финитные глаголы по типу спряжения делятся на моно- и полиперсональные). В качестве лексико-семантического подкласса имен выделяются местоимения. Наречия выделяются остаточным путем, по признаку отсутствия самостоятельной формы. Прилагательного в К.я. нет; атрибутивные отношения выражаются инкорпорацией. В К.я. выделяется функциональный класс словоформ, называемых предикативами, — они выражают независимый и зависимый предикат, как правило, изменяются по лицам и образуются от корней практически любого семантического класса. Личная парадигма предикативов материально и структурно отличается от парадигмы финитного глагола; кроме того, предикативы выражают исключительно реалис, тогда как финитный глагол, помимо реалиса, способен выражать также ирреалис и модальность волеизъявления. Предикативы представлены пятью формальными подклассами: (1) предикативы «быть», (2) предикативы «иметь», (3) комитативы, (4) антикомитативы, (5) предикативы обладания. Подклассы (3) и (4) по лицам не изменяются.

5.2.2. Грамматические категории и способы их выражения.

Число (Num). В К.я. различается единственное, двойственное и множественное число. У имени это содержательная категория, у глагола — согласовательная. Ед. число стандартного показателя не имеет, дв. число выражается суффиксом *-m/-chi*, мн. число — суффиксом *-кку*: укку-*на* 'камень' — укку-*т* (дв. ч.) — укку-*кку* (мн. ч.), *навһан* 'женщина' — *навһан-чи* (дв. ч.) — *навһан-кку* (мн. ч.). Глагол имеет собственные экспоненты числа: *-и/-й* — дв. ч., а во мн. числе добавляется плюрализатор (Pl) *-ла*, ср. ку-*лайу-й-и* 'они (дв.) идут' — ку-*лайу-ла-й-и* 'они (мн.) идут'. У личных местоимений показатели числа именные: *ич-чи* 'они (дв.)' — *ии-кку* 'они (мн.)'.

Три числа различаются только у «фактитива» (субъект интранзитивного действия и объект); для агенса различается два числа: единственное и неединственное. В парадигме моноперсонального глагола девять личных форм, тогда как у полиперсонального — только шесть агентивных групп словоформ, объект у которых различается по трем числам, всего 42 формы. Наконец, у личных местоимений в абсолютном падеже — девять личных форм, в эргативном падеже — шесть:

		Абсолютный падеж	Эргативный падеж
'я'		<i>уму</i>	<i>ум-нан</i>
'ты'		<i>һәнну</i>	<i>һә-нан</i>
'он'		<i>ʔәнну</i>	<i>ә-нан</i>
'мы'	Дв. ч.	<i>мэй</i>	} <i>мэйэй-нан</i>
	Мн. ч.	<i>мэйкку</i>	
'вы'	Дв. ч.	<i>тэй</i>	} <i>тэйэй-нан</i>
	Мн. ч.	<i>тэйкку</i>	
'они'	Дв. ч.	<i>иччи</i>	} <i>иһэй-нан</i>
	Мн. ч.	<i>иикку</i>	

При выражении определенности (см. ниже) различается единичная и совокупная определенность (один — более одного). Это вписывается в систему, поскольку определенность выражается только в тех словах, которые обозначают человека и способны быть агенсом.

Лицо (P) — категория, присущая предикативам и финитному глаголу. Имена в К.я. категории лица (посессивности) не имеют. Личная парадигма предикативов восходит к личным местоимениям и частично совпадает с ними.

Образцы личных форм предикативов «быть» от качественных, процессуальных и предметных корней

		-каатуу- 'сильный'	-чҕийа- 'спать'	акка- 'сын'
Ед. ч.	1 л.	нэ-каатуу-й-эм	нэ-чҕийа-й-эм	акка-й-эм
	2 л.	нэ-каатуу-й-эй	нэ-чҕийа-й-эй	акка-й-эй
	3 л.	нэ-каатуу-қи	нэ-чҕийа-қи	акка-ја
Дв. ч.	1 л.	нэ-каатуу-мээй	нэ-чҕийа-мээй	акка-мээй
	2 л.	нэ-каатуу-тээй	нэ-чҕийа-тээй	акка-тээй
	3 л.	нэ-каатуу-қинна-т	нэ-чҕийа-қинна-т	акка-т
Мн. ч.	1 л.	нэ-каатуу-мэикку	нэ-чҕийа-мэикку	акка-мэикку
	2 л.	нэ-каатуу-тэикку	нэ-чҕийа-тэикку	акка-тэикку
	3 л.	нэ-каатуу-қинна-кку	нэ-чҕийа-қинна-кку	акка-кку

Лицо деятеля (Р_{аg}) у финитного глагола выражается префиксами, занимающими левую терминальную позицию в словоформе; для моноперсонального глагола это лицо субъекта действия, для полиперсонального глагола — лицо агенса. С помощью этих показателей в К.я. различаются императив и неимператив.

Образец спряжения моноперсонального глагола (аккуи-к 'есть, питаться')

		Императив	Неимператив (прошедшее время)
Ед. ч.	1 л.	м-аккуи-к	т-аккуи-к
	2 л.	қ-аккуй-эй	аккуй
	3 л.	н-аккуй-н	аккуй
Дв. ч.	1 л.	мн-аккуй	мэт-аккуй
	2 л.	қ-аккуй-тэк	аккуй-тэк
	3 л.	н-аккуй-һ'ай	аккуй-һ'ай
Мн. ч.	1 л.	мн-аккуй-ла-(мэк)	мэт-аккуй-ла-(мэк)
	2 л.	қ-аккуй-ла-тэк	аккуй-ла-тэк
	3 л.	н-аккуй-ла-й	аккуй-ла-й

Показатели лица объекта (Р_{обj}) в К.я. занимают в линейной цепочке словоформы две дополнительно распределенные позиции: *ина-* 'меня' (префиксальная позиция) — все остальные показатели объекта (суффиксальная позиция). Эти показатели имеют следующий вид:

'меня'	-(ә)м (при агенсе 3 л. мн. ч.; во всех остальных случаях — префикс <i>ина-</i>)
'тебя'	-(ә)й
'нас'	-мэк (дв. ч.), -ла-мэк (мн. ч.)
'вас'	-тэк (дв. ч.), -ла-тэк (мн. ч.)
'его'	-ччи (при агенсе 2 л. мн. ч.)
	-ни (при агенсе 3 л. ед. ч.)
	-(ә)н (во всех остальных случаях)

Значение 'их' (дв., мн. ч.) выражается добавлением регулярных числовых показателей: для -(ә)н — (ә)нна-т (дв. ч.), (ә)нна-кку (мн. ч.), для -ни — нинна-т (дв. ч.), нинна-кку

(мн. ч.) Значения 'его/их (дв.)' при агенсе 2-го лица мн. числа не различаются. *ку-пила-ңа-ччи* 'вы оставляете его/их (дв.)'; при объекте мн. числа добавляется регулярный плюрализатор *-ла* *ку-пила-ла-ңа-ччи* 'вы оставляете их (мн.)'.

Время - наклонение (Т/М) Показатели времени-наклонения занимают в линейной цепочке словоформы позицию 2, считая от левой границы (ср. ниже, 5.2.3). Эта позиция занята четырьмя показателями. *ку/-к-* — настоящее-прошедшее, $\emptyset$ — прошедшее, *йа/-й/-ча/-ч-* — будущее, *нђа/-ђа-* — конъюнктив; таким образом, система полностью совпадает с корякской. Наличие в К.я. формы настоящего времени с нулевым показателем (как в чукотском), о чем упоминается в описании, выполненном П. Я. Скориком, позднейшими исследованиями не подтверждается.

Вид (А) Как и в других чукотско-корякских языках, противопоставление перфективного/имперфективного вида выражается суффиксальными элементами *-йки/-йкниң* (имперфективный вид) и нестандартными показателями для перфективного вида. Сочетание видовых показателей с показателями времени-наклонения, а также императива дает следующую парадигму (прочерк означает нестандартный показатель):

Позиция Р	Позиция Т/М	Позиция А	Время
	<i>ку-</i>	<i>-ң</i>	настоящее-прошедшее
	$\emptyset$	—	прошедшее
	<i>йа-</i>	<i>-ң</i>	будущее I
	<i>йа-</i>	<i>-йки</i>	будущее II
	<i>нђа</i>	—	конъюнктив I
	<i>нђа-</i>	<i>ики</i>	конъюнктив II
Императив		—	императив I
Императив		<i>-йки</i>	императив II

Как видно из этой парадигмы, регулярный показатель имперфективного вида *-йки* маркирует формы ирреалиса, имеющие противопоставленные перфективные пары. В реалисе симметрия системы нарушена, см. статью «Чукотский язык».

Падеж (С) В К.я. выделяется два типа склонения, что связано с делением имен на семантические группы по признакам «человек/не-человек», «определенный/неопределенный», «известный/неизвестный» (ср. ниже). Показатели числа (абсолютный падеж) и падежа (косвенные падежи) в именных словоформах К.я. находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Эргатив совмещен с инструментальным падежом в I склонении (показатель *-та/-а*) или с местным падежом во II склонении (показатель *-ң*, который в склонении личных местоимений ассоциирован с дативом). Локативные падежи: местный (*-к/-ку*), исходный (*-ңху*), направительный (*-йтәң*), определительный (ориентатив) (*-кит*). Выделяется также назначительный падеж (*-ну/-у*).

Определенность (Def). Показатели определенности — *-на* (единичная определенность), *-иик(а)* (коллективная определенность). Регулярно присутствует в падежных словоформах II склонения (кроме абсолютного, определительного и назначительного падежей). Ко II склонению относятся имена собственные и интимные названия старших родственников типа *аппа* 'папа', *амма* 'мама'. Имена, обозначающие человека, могут принимать только показатели коллективной определенности.

И м я:

абсолютный падеж обоих склонений — (а) + R + (а) + Num

косвенный падеж I склонения — (а) + R + (а) + C

косвенный падеж II склонения — (а) + R + (а) + Def + C

5.3.0. Синтаксис.

5.3.1. Основные конструкции простого предложения: двучленная (монопersonальный глагол) и трехчленная (полиперсональный глагол). Двучленная конструкция трансформаций не допускает:

(1) *Йакэит кйау-й* 'Сестра (абс.) проснулась-она'.

Трехчленная конструкция (2) допускает антипассивную (2а) и инкорпоративную (2б) трансформации:

(2) *Йакэит-а цавѣѣн нэ́йау-ни* 'Сестра (эрг.) женщину (абс.) разбудила-она-ее'

(2а) *Йакэит ина-нэ́йау-й (цавѣѣн-а)* 'Сестра (абс.) кого-то-разбудила-она (женщину-ИНСТР)'

(2б) *Йакэит цавѣѣн-нэ́йау-й* 'Сестра (абс.) женщину-разбудила'.

Базовый порядок слов — SOV. Атрибутивные отношения выражаются инкорпорацией *майѣ-йаа-к ткутѣѣ* 'в-большом-доме живу-я', *на-туй-мил'эй-ма йатчи* 'с-новым-ружьем пришел-он'.

Сказуемое в К.я. выражается не только финитным глаголом, но и формами предикативов *Мэ́йку ѣ́нина-мэ́йку акка-мэ́йку* 'Мы (мн.) твои-мы сыновья-мы' (предикатив «быть»), *ѣ́нну на-мил'эй-эй?* — *На-мил'эй-эм.* — *ѣ́нну на-мил'эй-ли?* — *Йа́ккам на-мил'эй-ли.* 'Ты с-ружьем-ты? — С-ружьем-я. — Он с-ружьем-он? — Тоже с-ружьем-он' (предикатив «иметь»).

5.3.2. Для сложного предложения К.я. характерна как бессоюзная, так и союзная связь

Примеры бессоюзной связи: одновременность (*Калиѣѣни-ма цавѣѣнэ́кку нэ́кумѣ́лла-ни* 'Когда-вышивали, женщины пели-они (мн.)'), предшествование (*Э́нпэ́клаул йа́лкиѣѣ-к ѣ́йа́йэ́кку қу́ллай* 'Старик когда-вошел, юноши (мн.) встали'), цель (*Қайкми́нэ́кку ла́йлай а́йа-ка́литту-ңа* 'Мальчики (мн.) приехали чтобы-учиться'), и т. д., ср. статью «Чукотский язык».

Примеры союзной связи: *Мэ́й нача́нэ́ттанмэ́й, чита́ мэ́тл'у́ѣ́ннат йа́аймэ́к и́ѣ́мкэ́н* 'Мы (дв.) испугались-мы, когда увидели-мы (дв.)-их вблизи стаю-волков'; *А́му-қу́н и́танңа қамѣ́йлун, йа́қи ивѣ́уун* 'А-ну-ка отца спроси-ты-его, что сказал-он-это'; *И́йку йа́тэлѣ́лқалэ́кку, а́клаң а́ла а́атка* 'Они (мн.) должны-были-приехать, но не приехали'.

5.4.0. Лексика К.я. — общечукотско-корякская; собственно керекских слов, по подсчетам В.В.Леонтьева, не более 25%. Наиболее интересное из них — без сомнения, слово *паллан* 'солнце' (чук. *тиркытир*, коряк. *тийкытий*); это слово связывается с топонимом Палана (административный центр Корякского Автономного округа на северо-западе Камчатки). Русских заимствований в К.я. очень мало; в XIX в. они проникали через чукотский язык, напр. *ча́қар* 'сахар'. Конечно, в мемуарных текстах, рассказанных в XX в., фиксируются слова типа *учетчик*, *бригадир*, *колхоз*, *трактор* и т. п., но их вряд ли можно серьезно рассматривать как заимствования при том, что К.я. находится на грани исчезновения.

6.0. По данным XX в., К.я. был представлен двумя диалектами — мэ́йныпи́льгы́нским (самоназвание *йу́ула́лѣ́кку* 'верхние') и хаты́рским (самоназвание *и́уы́ла́лѣ́кку* 'нижние'). Диалектология К.я. осталась неизученной. Данная статья базируется на данных мэ́йныпи́льгы́нского диалекта, представлявшего большинство говоривших на К.я.

ЛИТЕРАТУРА

Володин А. П. Проспект описания грамматики керекского языка (чукотско-камчатская группа) // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1991.

Леонтьев В. В. Этнография и фольклор кереков М., 1983

Скорик П. Я. Керекский язык // Языки народов СССР. Л., 1968, т. 5.

А. П. Володин

ИТЕЛЬМЕНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Ительменский язык (И.я.) (в дореволюционной и до последнего времени в зарубежной литературе — камчадалский, англ. Kamchadal) — один из языков чукотско-камчатской группы.

1.1.2. Существуют две точки зрения относительно генетической принадлежности И.я. Гипотеза А: И.я. и другие чукотско-камчатские языки восходят к одному праязыку; резкие отличия И.я., отмеченные на всех уровнях, объясняются интенсивным иноязычным влиянием; предполагается, что И.я. поглотил какой-то иной, нечукотско-камчатский язык (В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, П. Я. Скорик). Гипотеза Б: И.я. генетически не связан с другими чукотско-камчатскими языками; элементы общности представляют собой результат конвергентной эволюции (Д. Уорт, А. П. Володин, А. С. Асиновский); таким образом, есть основания считать И.я. генетически изолированным, противопоставленным в чукотско-камчатской группе безусловно родственным чукотско-корякским языкам. Генетической связи между И.я. и языком айнов (южные соседи ительменов) также нет.

1.1.3. И.я. был распространен на п-ове Камчатка (северная граница распространения — 58° сев. широты) по западному (Охотскому) и восточному (Тихоокеанскому) побережьям вплоть до мыса Лопатка (южная оконечность п-ова); по данным некоторых авторов (Г. Стеллер, Л. И. Шренк), ительмены жили и на северных островах Курильской гряды. В XVIII–XIX вв. ительменская языковая общность делилась на три территориальных группы, которые, по-видимому, представляли собой три языка ительменской семьи: восточный язык (Тихоокеанское побережье), южный язык (южная часть п-ова по обоим берегам), западный язык (Охотское побережье). До настоящего времени сохранился лишь западный И.я. Количество говорящих (на 1989 г.) — менее 100 чел.; все они свободно владеют также русским языком.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Западный И.я. представлен двумя диалектами — южным (подавляющее большинство говорящих по-ительменски) и седанкинским, или северным (жители бывшего пос. Седанка в верхнем течении р. Тигиль), подробнее см. 2.7.0. Говорные различия в рамках южного диалекта (отдельные авторы выделяют хайрюзовский и напанский диалекты) не носят системного характера.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. В XVIII в., когда существовало три ительменских языка, имевших довольно ярко выраженные лексические различия, возможно, была необходимость в каком-то